

наследодатели в преддверие своей смерти с целью исключения возможных споров между своими наследниками. Нарушается ли здесь принцип обеспечения прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных наследников? De facto – да, de jure – нет, поскольку обязательная доля выделяется из наследства, а его у покойного и не оказывается, поскольку бывшее имущество покойного загодя перешло к тем лицам, к которым он благоволил. Поэтому противники наследственного траста должны были быть принципиальны до конца и ратовать за запрет нашим гражданам отчуждать свое имущество каким-либо способом с момента приобретения их эвентуальными наследниками статуса обязательных.

Наследственный договор в российском правопорядке также существенно отличается от законодательных образцов зарубежных государств, где он был апробирован в течение продолжительного времени. И поскольку российское гражданское право относится к германской ветви континентальной системы права, то именно опыт прогерманских стран мог стать для нас ориентиром в решении проблем, возникающих при имплементации новых наследственно-правовых конструкций в российский наследственный правопорядок.

КЛЕВЕТА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ

Э.Г. Аниськина

Ключевые слова: клевета, состав преступления, квалификация, способ, дифференциация уголовной ответственности.

Защита чести и достоинства человека гарантированы Конституциями многих стран мира, не являются исключениями Россия и Беларусь. Так, в ч.1 ст. 21 Конституции РФ отмечается «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Конституция Республики Беларусь в ст.25 также указывает: «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности». И далее в ст.28: «Каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство». Таким образом, достоинство человека определено в качестве одной из важнейших ценностей обоих государств. Но вот уголовная политика, реализующаяся через такую форму как правотворчество, несколько отличается у исследуемых стран.

Так, если в Беларуси мы наблюдаем тенденцию к частичной декриминализации клеветы с одновременной криминализацией отдельных ее видов и унификации уголовной ответственности за клевету. То в России, наоборот, наблюдается пенализация и дифференциация за отдельные виды

клеветы. Рассмотрим эти различные тенденции в исследуемых государствах и определим, какие из них в большей мере будут более эффективны в противодействии распространению заведомо ложных и порочащих сведений.

Итогом частичной декриминализации в Беларуси явилось в первую очередь исключение Законом Республики Беларусь №171-З от 09.01.2019 года из ч.1 ст.188 УК Республики Беларусь нормы о распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений, совершенном в течение года после наложения мер административного взыскания за клевету или оскорбление. Данные изменения вступили в силу 19.07.2019 года. Таким образом, основной состав клеветы не зависимо от наличия или отсутствия административной преюдиции полностью стал административным проступком. А квалифицированный состав клеветы в несколько уточненном варианте стал основным. Изменения коснулись терминов, отражающих предмет клеветы (ранее – позорящие другое лицо измышление, в современной редакции – порочащие другое лицо сведения) и средств совершения клеветы (добавлено – использование иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи). Стоит подробнее остановиться на этих новеллах.

На вопрос, какие термины более отражают сущностную картину клеветы, можно ответить, только изучив данные понятия с позиции лингвистики, а именно лексикологии, науки в которой рассматриваются слова и их значение. Так, термин «измышления», означает буквально «выдумка, вымысел» [1]. При использовании этого термина можно столкнуться с общими измышлениями о характеристике личности, что не является клеветой. Хотя стоит отметить, что и современные российские ученые предлагают использовать этот термин, заменив им современное понятие – сведения [2, с. 10–11]. Но думается, возврат к терминологии УК РСФСР 1926 г. представляется не совсем удачным, так как привычный для российской правоприменительной практики термин «сведения» используется для обозначения утверждения о фактах или событиях, а не носит обобщенный характер, использование этого термина предполагает конкретное содержание. При использовании термина «измышление» – это буквально «выдумка», можно столкнуться с обобщенными характеристиками личности, но в клевете важен «определенный факт, а не суждение или мнение». К тому же потребуется законодательная дефиниция термина «измышление». Так что отказ белорусского законодателя от термина «измышление» вполне обосновано.

Также вполне логично и дополнение нормы новым признаком объективной стороны – средством, так как для киберклеветы характерно не только распространение через сеть Интернет, но использование и других каналов иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи. Распространение информации с использованием этих средств также представляет повышенную общественную опасность по причине молниеносности распространения информации, масштабности распространения информации (неограниченное число пользователей или большое количество), преступление носит

дистанционный характер (место совершившего, место нахождения компьютера, с помощью которого было совершено преступление, и место потерпевшего могут не совпадать), легкости и доступности и в большинстве своем латентности.

Изложенные изменения можно считать процессом криминализации отдельных разновидностей клеветы, потому что деяние, совершенное с выше отмеченными средствами ранее первый раз признавалось административным проступком, а ныне сразу признается преступлением. Таким образом, мы видим, что для Беларуси характерна общемировая тенденция ужесточения наказания за киберклевету.

Унификация уголовной ответственности за клевету выражается в исключении множественных норм о клевете не только из уголовного, но и административного кодекса, и оставлении единственной статьи с одной частью - ст.188 УК Республики Беларусь. Так с 1 марта 2021 года вступил в силу новый КоАП Республики Беларусь от 6 января 2021 года, в котором была исключена административная ответственность за клевету (ст. 9.2 КоАП 2003 года).

В России, наоборот, наблюдается тенденция пенализации за отдельные виды клеветы и тенденция к дифференциации уголовной ответственности. Это выражается в большом количестве квалифицирующих (ч.2 ст.128.1 УК РФ) и особо квалифицирующих признаков (ч.3-5 ст.128.1 УК РФ), а также в появлении новых отягчающих состав клеветы признаков, в частности, клевета совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных (ч.2 ст.128.1 УК РФ).

Вопрос о том, какие тенденции более адекватно отражают защиту чести и достоинства человека, вопрос сложный. Л.Е. Смирнова отмечает, что «результатом взаимодействия процессов унификации и дифференциации является обеспечение эффективности правового регулирования, при этом унификация и дифференциация могут осуществляться: последовательно; параллельно друг другу; попутно в рамках и при главенствующей роли одного из этих процессов» [3, с. 8]. На наш взгляд, конституционные права, такие как честь и достоинство любого человека, а не только отдельных граждан государства, требуют адекватной защиты нормами уголовного права, по крайней мере административного. Поэтому видится, российский подход более удачен, чем полное исключение клеветы как административного или уголовно-противоправного деяния. Таким образом, мы защищаем честь и достоинство каждого гражданина не зависимо от его статуса и не зависимо от способа и средств осуществления клеветы. Есть и в российской доктрине позиция перевода клеветы в разряд административных проступков. Так, А.С. Тараненко предлагает ограничить уголовный запрет клеветой, совершенной анонимно. Он отмечает, что во всех случаях подсудимый и частный обвинитель являлись близкими знакомыми (членами одного коллектива, семьи, соседями). Приговорами вынесены наказания в виде

штрафов на суммы до 5000 р. (в одном - 15 тыс. р.). Все это говорит о возможности вернуть состав не квалифицированной клеветы в сферу административно-правовой ответственности. Отказ от уголовного преследования клеветников, не скрывающих своих имен, поставит точку в дискуссиях о необходимости уголовной ответственности журналистов и их праве на ошибку [4]. Предложенная позиция довольно спорная. Если говорить об объекте клеветы, то его охрана необходима не независимо от анонимности или открытости распространения информации, ведь честь и достоинство страдают в обоих случаях. Опасность анонимного способа распространения клеветы признавалась отечественным уголовным правом советского периода: так, в ч. 2 ст. 130 УК РСФСР 1960 г. он предусматривался в качестве квалифицирующего признака – «Клевета в анонимном письме». Возможно, и нам следует сделать анонимность как квалифицирующий признак состава клеветы, но не исключать распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию с указанием автора из признаков основного состава клеветы.

Другой вопрос – о детальной дифференциации, также не однозначен. На наш взгляд, новая система квалифицирующих признаков, разработанная российским законодателем, более или менее отражает характер общественной опасности содеянного, кроме одного нового признака – «в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных». Так, в частности, введение нового квалифицирующего признака – «клевета в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных» создаст ряд правоприменительных проблем при разграничении ч.1 ст.128.1 и ч.2 ст.128.1 УК РФ, а также проблем в применении самой нормы ч.2 ст.128.1 УК РФ в части установления потерпевших – индивидуально не определенных лиц. Рассмотрим эти аспекты подробнее. Во-первых, если бы законодатель хотел в качестве квалифицирующего признака предусмотреть единичное преступление с двумя или более потерпевшими (например, одновременная клевета в отношении нескольких лиц или разновременная клевета в отношении нескольких потерпевших с единым умыслом) либо множественность тождественных преступлений (например, совершение клеветы несколько раз в отношении разных лиц с разным умыслом), то, скорее всего, он воспользовался уже существующей в других составах преступлений конструкцией: «клевета в отношении двух или более лиц», и это было бы вполне обосновано. Признак клеветы «в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных», это «новодел» законодателя, он юридико-технически не соответствует другим составам преступлений, как ранее выше было отмечено. И может впоследствии вызвать ряд вопросов применения.

Суммируя изложенное, приходим к выводу, что нам в целом предпочтительней российское законодательное решение, за небольшим, но очень важным уточнением в части нового признака - «клевета в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных», требующего исключения в качестве такового.

Список использованных источников:

1. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-10569.htm>. – Дата доступа: 21.06.2021.
2. Елец, С.А. Преступления, связанные с распространением порочащих измышлений: проблемы криминализации и дифференциации ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kubsau.ru/upload/iblock/ab2/ab20e7ed0c9aabd2dad2fb60b156b901.pdf> – Дата доступа: 21.10.2021.
3. Смирнова, Л.Е. Унификация в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/197379374.pdf> – Дата доступа: 21.10.2021.
4. Тараненко, А.С. Клевета: обоснованность границ объекта уголовно-правовой охраны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kleveta-obosnovannost-granits-obekta-ugolovno-pravovoy-ohranu> – Дата доступа: 21.10.2021.

**ИНСТИТУТ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Н.Е. Муллахметова

Ключевые слова: частное обвинение, уголовный процесс, потерпевший.

Много лет в науке уголовного процесса ведутся дискуссии о разумном соотношении частных и публичных начал, которым определяется тип, а также стратегия развития судопроизводства.

В уголовном процессе России и Республики Беларусь существует институт частного обвинения, что рассматривается как одно из ярких проявлений диспозитивности. При этом, несмотря на общий путь развития законодательства двух республик в советский период, современное правовое регулирование данного института имеет существенные различия, на которых мы и остановимся в рамках настоящей статьи. Применение компаративистского метода исследования может быть полезным не только для совершенствования национального законодательства, но и для его унификации в рамках союзного государства.

Во-первых, российский и белорусский законодатели по-разному подошли к определению перечня дел частного обвинения. Согласно ч. 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту – УПК РФ) в него включены всего три статьи Уголовного кодекса РФ: ч. 1 ст. 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 116.1 (нанесение побоев лицом, подвергнутому административному наказанию) и ч. 1 ст. 128.1 УК РФ (клевета).